

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
БЕЛОРУССИЯ

15. АПР 1979

г. Минск

Удивительная картина: россыпь нежных, бледно-сиреневых цветов среди лыдистых граненых осколков, дроблящих, разбрызгивающих свет.

— Ничего подобного не видел! — слышу за спиной чей-то восторженный возглас.

На раз я потом услышу в бобруйском театре эти слова. Чудо-светильники, созданные из простого стекла мастерами завода «Неман» — уникальные. Театральные маски искусной чеканки, украшающие стены фойе, — единственные в своем роде. И все здание театра не имеет себе равных в республике.

— Да, многое у нас сейчас делается впервые, — радостно улыбаясь, скажет и директор театра Николай Алексеевич Маюхин. — Впервые мы выступаем в своем городе в таком замечательном здании, оборудованном современной театральной техникой. Впервые так близко подружились со своими зрителями. Создали клуб любителей театра. Для сельских тружеников организуем два раза в месяц Дни колхозников, на которые люди съезжаются чуть ли не целыми районами. После каждой премьеры проводим конференции зрителей. Актеры выступают в школах, техникумах, профтехучилищах города, шефствуют над кружками художественной самодеятельности. Впервые в нашем театре идет работа сразу над тремя внеплановыми спектаклями, которые самостоятельно готовят молодые артисты.

До последнего времени бобруйскому театру не очень везло. Его не раз реформировали, из драмы делали оперетту, потом объединяли оба жанра, на нем экспериментировали, пытались привить к старому дереву молодой побег в виде целого выпускного курса театрального института. Потом театр лишился своего здания, закрытого на капитальный ремонт, и пять лет колесил по городам и весям, теряя хороших актеров, опытных работников.

И вот новый поворот в жизни Могилевского областного театра драмы и комедии (так он ныне называется): новый сезон он начал в новом здании, ставшем украшением, достопримечательностью города. К людям пришло ощущение устойчивости, обретения родного дома. Появилась жажда совершенствования, открытия непроторенных дорог.

Был давний замысел поставить пьесу В. И. Дунина-Марцинкевича. Сам долг того требовал. Два года назад театру присвоили имя славного земляка, белорусского драматурга прошлого века В. И. Дунина-Марцинкевича. А в репертуаре — ни одной его пьесы. Естественно, хотелось создать свою

«Павлинку», как у купаловцев, или «Нестерку», как у колосовцев, иметь свою «визитную карточку». Но пока жили на колесах, месяцами играли на чужих сценических площадках, репетировали в случайных, часто не приспособленных помещениях, — не решались братья за столь ответственное дело.

Лишь прошлым летом, готовясь к новоселью, решились ставшим. Выбрали «Пинскую шляхту». Этим спектаклем намечали открыть новый сезон. На постановку пригласили режиссера Государственного театра музыкальной комедии БССР Б. П. Второва, который

событиях и своих переживаниях в веселые или сатирических куплетах, гоняться друг за другом, падать, кувыркаться, неграждать друг друга туманами. И все это в стремительном темпе под аккомпанемент инструментального ансамбля. Театр с увлечением, азартом разыгрывает фарс-водевиль (так назвал свою пьесу драматург), смело соединяя традиционно-фольклорные мотивы с современными ритмами.

Однако в веселой кутерьме, что царит на сцене, ясно прочитывается мысль серьезная и значительная — не должно человеку позволять топтать свое достоинство, нельзя терпеть

тонович Пузович. — Среди тех, что мы сегодня играем, «Ярость» Е. Яновского, «И смолели птицы» И. Шамякина, «Остановите Малахова» В. Аржановского.

О спектакле «Остановите Малахова» (режиссер Ф. Пузович) в театре говорят особенно охотно. Вспоминают премьеру его в городе Тольятти во время гастролей, чуткую тишину зала и гром аплодисментов в конце. Вспоминают бурные конференции по спектаклю, которые прошли почти во всех учебных заведениях Бобруйска. Старшеклассники пяти средних школ писали о нем сочинения. Прочитываю лишь одно из них: «Я не люблю делиться своими мыслями. Ни с кем, — написала десятиклассница Светлана Л. — Но спектакль «Остановите Малахова» не выходит у меня из головы, и мне хочется говорить о нем. Почему Андрей стал преступником? Потому что все к нему плоше относилась! А что он сам сделал для того, чтобы его увидели таким, какой он есть на самом деле? Может, я не права, но у меня есть своя точка зрения: что бы ни случилось, считаю я, виноват сам человек, остальные лишь дополнили его вину. Поэтому прежде всего с себя и надо требовать».

Если искусство вызывает у человека желание заглянуть в себя, что-то пересмотреть в себе, чтобы стать лучше, значит, оно достигает цели. И, наверное, тем сильнее воздействие сценического произведения, чем больше воодушевлены идеями пьесы ее исполнители. Невольно об этом подумала, когда разговаривала с молодым актером Михаилом Матвеевым, одним из исполнителей роли Андрея Малахова. Он говорит о пьесе Ю. Грушаса «Любовь, джаз и черт», которую готовит и постановке как самостоятельную творческую заявку: «Это пьеса о нас, молодежи, обо мне... о надежде, без которой невозможно жить, об ответственности каждого за все, что происходит вокруг...».

Я не видела Матвеева в роли Андрея Малахова, но его человеческая личность, напряженный духовный поиск, нравственный максимализм, обращенный прежде всего на себя, не мог не сказаться в спектакле, не зарзлит зрителя, особенно молодого.

Каждый вечер бобруйский театр зажигает огни, приглашая зрителей на очередной спектакль. Тогда он похож на огромный двухпалубный корабль. С ценным грузом — начинания, замыслов и надежд — уходит в плавание этот корабль. Хочется пожелать ему попутного ветра в паруса.

Д. МАНДОВА.
[Спец. корр. «Советский
Белоруссии»].

Ветер в паруса

Театральный репортаж

незадолго до того показал на учебной сцене Белорусского государственного театрально-художественного института «Пинскую шляхту» в исполнении дипломного курса, по-новому прочитав старую пьесу. Бобруйчанам это пришлось по вкусу. Им тоже захотелось смахнуть музейную пыль с литературной реликвии, вдохнуть в нее новую жизнь.

...Раздвигается занавес, и зритель видит двор крестьянской усадьбы. Стены дома, сарай, крепкие ворота, тяжелая колоде для корма скота. Каждая деталь достоверно, взята из быта старой белорусской деревни. А соединенные вместе, они создают выразительный художественный образ, помогающий понять замысел спектакля. Тяжелой бревенчатой стеной отгорожены здесь люди от большого мира, сюда еле проникают свежие, тревожащие ветры перемен. Тускло горит луна, женщины у пряхи поет печальную песню о несчастливой доле крестьянской.

Затихают последние звуки песни, и действие резко меняется. Вспыхивают юптеры, на ярко освещенную сцену врывается веселая, праздничная толпа крестьян. От нее отделяется юное, прелестное, лукавое существо — семнадцатилетняя Марыся (арт. Г. Агейкина) и в задорных куплетах рассказывает о своей любви к Гришке, о ссоре их родителей, предстоящем суде над ними (по сюжету «Пинская шляхта» — иронический пародизм шекспировской трагедии «Ромео и Джульетта»). Потом в действие включаются и другие герои спектакля, пританцовывая, они будут сообщать о различных

власть имущих. Легко обнаружить, что смех в спектакле далеко не безобидный. Порой злой, беспощадный. Например, в сцене суднища. Чем ниже пригибает страж крестьян перед станковым приставом, творящим суд скорый и неправый, тем выше тот возносится (вот он уже на столе, потом на спинах крестьян). Сознательно заостряя некоторые ситуации, доводя их до гротеска, режиссер извлекает из пьесы социальный заряд неожиданной силы, заставляет звучать ее как остросатирическое произведение. Оригинальный замысел постановщика явно увлекает исполнителей и потому в «Пинской шляхте» так много актерских удач — Г. Агейкина (Марыся), А. Парфонович (ее отец), Л. Бартазова (ее мать), Ю. Кравченко (Куторга) и другие.

Стремление бобруйского театра пойти непроторенной дорогой видно не только в «Пинской шляхте». В его репертуаре есть, например, еще одно редкое название — «Дикарь» по философской повести Вольтера. Не часто мы встречаем на театральных афишах имя великого французского просветителя. А бобруйчане взяли на себя такую смелость, сыграли «Дикаря» (режиссер А. Каменская), в котором явно звучит зыблительный вольтерский смех.

«Дикарь» и «Пинская шляхта» — произведения из классического репертуара. А что театр говорит своим зрителям о сегодняшнем дне?

— Современная пьеса занимает ведущее место в нашем репертуаре, — рассказывает главный режиссер Франц Ан-